

На правах рукописи

Иеродиакон Максим (Судаков)

**АСКЕТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРТИРИЯ-САХДОНЫ В СВЕТЕ
ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ**

Специальность: Аскетика

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата богословия

Сергиев Посад, 2021

Работа выполнена на кафедре Богословия Религиозной организации — духовной образовательной организации высшего образования «Московская духовная академия Русской Православной Церкви».

Научные руководители:

кандидат исторических наук,
кандидат богословия,
доктор церковной истории
профессор А. И. Сидоров

кандидат богословия
профессор игумен Дионисий (Шленов)

**Официальные
оппоненты:**

Ведущая организация:

Защита состоится « » 2021 г., в на заседании
Диссертационного совета № по защите кандидатских диссертаций при
Московской духовной академии Русской Православной Церкви по адресу:
141300, Московская обл., г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра,
Московская духовная академия, Малый актовЫй зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московской духовной
академии Русской Православной Церкви по адресу: 141300, Московская обл.,
г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Московская духовная академия.

Автореферат разослан « » 2021 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена аскетическому учению Мартирия-Сахдоны, сирийского монашеского писателя первой половины VII века, епископа города Махозе д'Ареван в области Бет Гармай Персидской империи. Он принадлежал Церкви Востока, но впоследствии перешел в Церковь Римской империи. Однако в связи с тем, что он долгое время пребывал в неопределенности выбора своей принадлежности к одной из этих Церквей и доподлинно неизвестно, как он закончил свою жизнь, имеют место сомнения в установлении его конфессиональной ориентации. Сохранилось исповедание веры Мартирия (его перевод дан в Приложении 2), где он уделяет особое внимание христологии, в которой его взгляды расходятся с официальной позицией Церкви Востока.

Мартирий-Сахдона был известен как опытный наставник монахов, сам испытавший монашескую жизнь как в киновии, так и в уединении. Он написал несколько аскетических сочинений, из которых в настоящее время обнаружены и опубликованы следующие: пространный трактат «Книга совершенства», из которого утрачены значительные фрагменты текста, а также пять писем к монахам и «Изречения мудрости», сохранившиеся не в полном объеме. Данные сочинения и рассмотрены в диссертации с точки зрения православной аскетики. Наряду с этим, изложена биография автора, а его христологические воззрения особо проанализированы в свете православной догматики.

Степень разработанности проблемы. О Мартирии-Сахдоне и его произведениях написано несколько работ: одна диссертация и несколько статей в научных журналах, энциклопедиях и сборниках. Все эти работы, за исключением одной статьи, написаны европейскими учеными на иностранных языках. Основной вклад в изучение письменного наследия Сахдоны внес бельгийский востоковед Андре де Аллё, также следует выделить труды таких исследователей как Иосиф Симон Ассемани, Поль

Беджан, Себастьян Брок, Луи Вебе, Генрих Гуссен, Луи Лелуар, Нина Викторовна Пигулевская, Уильям Райт, Жан-Батист Шабо, Иван Овидиу, Бишара Эбейд, Джейсон Скалли. Особо следует упомянуть Робера Бёля — автора примечательной монографии по сирийской аскетической традиции, в которой уделено должное внимание и Мартирию-Сахдоне. Труды перечисленных ученых, за исключением одной диссертации, посвящены лишь частным аспектам настоящей темы и, в силу своего формата (статьи), достаточно кратки.

Актуальность исследования. С давних пор до настоящего времени в русской богословской науке недостаточно полно используется письменное наследие сирийских авторов. Оно намного полнее освоено зарубежными исследователями и представлено их трудами на иностранных языках. В России интерес к изучению сочинений сирийских писателей стал возрастать только в последние годы. В данной диссертации рассмотрено аскетическое учение сирийского подвижника, письменное наследие которого значительно как по объему, так и по авторитетности. В России он, как и многие сирийские авторы, известен в основном только исследователям, занимающихся патрологией, историей Церкви и сирийской литературой, хотя в Европе о нем написано несколько работ и неоднократно изданы его сочинения.

Произведения Мартирия-Сахдоны, как было сказано, уже изучались в Европе, но эта работа проводилась неправославными исследователями и публикации писались на иностранных языках. Между тем, в русской богословской науке теория аскетизма до сих пор базируется целиком на греческих и (в меньшей мере) на латинских источниках, сирийская же христианская литература еще только начала рассматриваться как источник по данному предмету. Настоящая диссертация могла бы внести вклад в изучение теории православного аскетизма с точки зрения духовного опыта сирийских подвижников.

Мартирий-Сахдона среди сирийских аскетических авторов занимает

исключительное положение по отношению к Православной Церкви: он несколько раз переходил в Православную Церковь, был в конце концов отвергнут и Церковью Востока, и Православной Церковью, а его христологическое учение занимает промежуточное положение между Православием и несторианством, но при всем этом после смерти он почитался православными и его сочинения входили в круг их назидательного чтения. Рассмотрение данного феномена представляет для богословской науки особый интерес. Случай этого сирийского писателя ставит вопрос более общего характера, решение которого выходит за рамки настоящего исследования: насколько этическое учение в иных конфессиях бывает искажено вследствие искаженных догматов.

Научная новизна исследования. В трудах зарубежных исследователей отсутствует анализ аскетического учения Мартирия с точки зрения православной традиции: данная работа проведена в настоящей диссертации. Наряду с этим, предложен и обоснован несколько скорректированный взгляд на вероисповедание Мартирия-Сахдоны. В его сочинениях выявлена особая система аскетического учения. Дополнен ряд обнаруженных источников, которыми пользовался писатель. В приложении дан перевод нескольких фрагментов произведений Мартирия, имеющих особо важное значение для исследования. Указанные переводы необходимы для удобства внимательного анализа содержащейся в этих фрагментах информации. Кроме того, их публикация предоставляет русскому читателю познакомиться с литературным наследием этого сирийского автора.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Прояснение значения Мартирия-Сахдоны как аскетического писателя, позволяющее установить его место среди авторов аскетической письменности, главным образом, определяет теоретическую значимость работы. Кроме того, в ней осмыслен целый ряд аскетических понятий на сирийском языке с точки зрения их греческих эквивалентов. Практическая

значимость исследования состоит в том, что выводы и обобщения, полученные в нем, могут послужить материалом для энциклопедических статей, для монографий и диссертаций, а также для составления учебных пособий по аскетике.

Объектом исследования является христианская аскетика.

Предмет исследования — аскетическое учение, содержащееся в произведениях Мартирия-Сахдоны, а также его мнения в христологии и его биография.

Хронологические рамки исследования определяются периодом времени, когда писали те авторы, произведения которых используются для сравнительного анализа произведений Мартирия-Сахдоны, скончавшегося около 650 г. Для сопоставления в основном используются духовные сочинения, написанные прежде Мартирия, так как важно определить, какие произведения могли повлиять на его мысль. Самые ранние из этих произведений относятся ко II в., когда жил мученик Иустин Философ, которого цитирует Мартирий. Значение имеют также сочинения современников Мартирия, так как в них имеются текстуальные и смысловые совпадения с писаниями последнего, которые можно объяснить не иначе, как заимствованием. Произведения, написанные после смерти Мартирия, имеют значение для установления соответствия идей Мартирия смысловому контексту православной аскетической традиции и соответствия его вероисповедания православному богословию, для чего учитываются сочинения прп. Иоанна Дамаскина, прп. Феодора Студита и прп. Симеона Нового Богослова. Таким образом, исследование ограничивается периодом с сер. II до нач. XI вв.

Цель диссертации — систематически изложить аскетическое учение Мартирия-Сахдоны и выявить степень его соответствия православной традиции. Для этого в ходе работы выполняются следующие **задачи**:

— изложение биографии автора исследуемых произведений;

- анализ его христологического учения;
- прояснение вопроса о его вероисповедной принадлежности, насколько это позволяют свидетельства источников;
- выделение ключевых для теории аскетизма понятий, употребляемых автором;
- анализ значения этих понятий в соответствии с контекстом их употребления;
- выявление основной идеи в аскетическом учении Мартирия;
- оценка мнений Мартирия в аскетике с точки зрения православного богословия.

Основная часть диссертации имеет пять глав. Первые три задачи решаются в первой и второй главах, остальные четыре задачи — в следующих трех.

Структура диссертации определяется задачами исследования и текстологической базой. Работа состоит из введения, основной части и заключения. Основная часть, как было сказано, содержит пять глав. Первые две главы можно назвать историческими: это историографический очерк и глава, посвященная биографии и литературному наследию автора исследуемых произведений и его конфессиональной принадлежности. Остальные три главы посвящены непосредственно аскетическому учению Сахдоны, и их структура определяется не тем, как подает материал сам автор, а тем, как целесообразно излагать аскетическое учение в православной традиции. Главы разделены на большее или меньшее количество параграфов. Необходимость главы, посвященной жизнеописанию и особенностям вероучения Мартирия-Сахдоны обусловлена тем, что для историко-богословской науки важно определить, какое положение сам автор занимает по отношению к Православной Церкви. После каждой главы подводятся итоги. После заключения, списка источников и литературы следуют пять приложений: словарь основных терминов, перевод трех фрагментов из

произведений Сахдоны и карта Западного Ирана VII в. (современного Ирака), где проходила его жизнь.

Источники исследования. В диссертации используются опубликованные произведения Мартирия-Сахдоны, святых отцов Православной Церкви, в первую очередь, тех, влияние которых на Мартирия-Сахдону наиболее вероятно, а также сочинения Нестория, Феодора Мопсуестийского, и некоторых других неправославных авторов, влияния которых на Сахдону невозможно не учитывать. Биография писателя изложена в основном по историческим свидетельствам представителей Церкви Востока. Сочинения Мартирия-Сахдоны были изданы критически по нескольким рукописям, поэтому обращаться к этому рукописному материалу не было необходимости. Неизданным остался сравнительно небольшой рукописный фрагмент, идентифицированный в 2009 г., однако он был нам недоступен. Были использованы рукописи только тех немногих дополнительных источников, которые не были изданы.

Ценность перечисленных источников с точки зрения их исторической достоверности и авторитетности для православной традиции не одинакова. Если писания святых отцов Православной Церкви имеют безусловный авторитет, то произведения неправославных авторов всегда рассматриваются под призмой строгой критики. Это же относится и к сочинениям самого Мартирия: поскольку его конфессиональная принадлежность остается не вполне выясненной, то все написанное им было рассмотрено критически, с тем чтобы, во-первых, не назвать православным то, что таковым не является, и, во-вторых, чтобы на основании слов этого автора можно было говорить, насколько он близок к православной традиции или далек от нее. Биография писателя основана на свидетельствах источников Церкви Востока, причем некоторые из них эмоциональны и весьма пристрастны — их достоверность относительна.

Цитирование в работе сочинений Мартирия-Сахдоны и остальных

источников, как правило, приводится в нашем переводе.

Методы исследования. Для выявления системы аскетического учения в рассматриваемых произведениях использовался описательно-аналитический метод. Изучение степени соответствия данного учения православной святоотеческой традиции и выявление в нем характерных особенностей проводилось с помощью сравнительно-сопоставительного метода. Представление полученных результатов в виде системы было произведено методом классификации. Исторические данные из источников для написания биографии Мартирия-Сахдоны анализировались при помощи синхронно-диахронного метода, а для реконструкции цельной биографической картины послужил метод исторического синтеза разрозненных данных из нескольких источников. Для подтверждения тезисов через цитирование источников использовалась экземплификация. Нахождение смысла неудобопонятных выражений и сложных мест в источниках производилось посредством нарративного анализа. Перевод на русский язык выполнялся с помощью семантического метода.

Анализ аскетического учения Мартирия проводится в соответствии с имеющимся материалом. Учение о добродетелях у писателя более развито, и в композиции его «Книги совершенства» отражены именно добродетели, тогда как учение о страстях не столь явно и его следует выделять из имеющегося материала синтетически. По этой причине в диссертации рассматриваются те добродетели, которые выделяет сам автор. Страсти же выявляются те, которые противоположны этим добродетелям и те, которым автор уделяет особое внимание. При этом получается, что перечень главных страстей, о которых ведет речь Мартирий, практически соответствует восьмичленной схеме порочных помыслов, свидетельство о которой Евагрия Понтийского является наиболее ранним из всех известных. У Мартирия нельзя найти подтверждения, что он опирался на данную схему, скорее наоборот — он ею сознательно пренебрегает. Однако для настоящего

исследования соответствие этой схеме оказывается удобным, так как аскетическое учение Мартирия анализируется в свете православной традиции, в которой евагрианская схема занимает исключительно важное место¹. В учении о добродетелях особо выделены три главные христианские добродетели: вера, надежда и любовь, так как им уделяет много внимания сам автор. Отдельно рассмотрены три наиболее употребительные понятия: *путь*, *страх Божий* и *красота*, которыми пользуется писатель для изложения своего учения о добродетелях.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на сомнительность конфессиональной принадлежности Мартирия-Сахдоны, его аскетическое учение укоренено в православной церковной традиции, будучи сформировано под влиянием как греческих, так и сирийских святоотеческих произведений.

На защиту выносятся следующие положения:

I. На основании источников можно сказать, что Мартирий-Сахдона в продолжение многих лет не имел твердой позиции в определении своей конфессиональной принадлежности, а сведения о последнем периоде его жизни предоставляют противоречивое свидетельство о его вероисповедании.

II. В христологическом учении Мартирия-Сахдоны, изложенном в его «Книге совершенства» и имеющем очевидные признаки приближения к православному вероучению, содержатся высказывания, неприемлемые для Православной Церкви.

III. История рукописей с сочинениями Мартирия-Сахдоны однозначно свидетельствует о его почитании в Православной Церкви.

IV. Положение Мартирия-Сахдоны по отношению к Православной Церкви остается невыясненным из-за почитания его православными, с одной

¹ Об условности этой схемы см.: *Зарин С. М.* Аскетизм по православно-христианскому учению. Т. 1. Кн. 2. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1907. С. 338); В. С. Соловьев высказывает интересные мысли об условности разделения страстей на душевные и телесные: *Соловьев В. С.* Оправдание добра I, 2, VII // *Соловьев В. С.* Собрание сочинений. Т. VII. Оправдание добра. Нравственная философия. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1894–1897. С. 93; об этом же предмете: Там же. С. 73–74.

стороны, и сомнительности его христологии и неясности его вероисповедания на момент кончины, с другой стороны.

V. В произведениях данного автора прослеживается основная идея, которая определяет структуру изложения материала и приоритетность определенных этических тем. Данная идея состоит в обожении человека, преуспевшего в любви к Богу, главным образом, через молитву и созерцание.

VI. Важность для Мартирия-Сахдоны идеи обожения человека послужила одной из причин того, что он отверг официально принятую христологическую доктрину Церкви Востока, не усмотрев в ней необходимого для обожения единства природ в одной ипостаси Христа.

VII. Основная группа литературных источников, под влиянием которых сформировался духовный опыт автора, отраженный им в его аскетических сочинениях, это Священное Писание и православная святоотеческая письменность.

VIII. Аскетическое учение Мартирия-Сахдоны, не взирая на некоторые в нем несущественные особенности, не имеющие обоснования в наставлениях святых отцов, в целом может рассматриваться как согласное с Преданием Православной Церкви.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были изложены в докладах на следующих конференциях:

— на международной конференции «Актуальные вопросы изучения наследия христианского Востока» 12 ноября 2019 г. в докладе «Аскетические сочинения Мартирия-Сахдоны: идея, структура, язык»,

— на II научно-богословской конференции «Проблемы методологии богословских и патристических исследований» (организатор — научная школа патрологических исследований кафедры богословия МДА) 26 декабря 2019 г. в докладе «К вопросу о критериях подлинности духовного опыта в Православии и иных конфессиях на материале “Книги совершенства” Мартирия-Сахдоны»,

— на XXX ежегодной богословской конференции ПСТГУ (секция «История и литературное наследие Христианского Востока») 23 января 2020 г. в докладе «Три монашеских обета в поучениях Мартирия-Сахдоны (VII в.)»,

— на XXXI ежегодной богословской конференции ПСТГУ (секция «История и литературное наследие Христианского Востока») 21 января 2021 г. в докладе «Концепт красоты в богословии Мартирия-Сахдоны (VII в.)»,

— на конференции МДА «Таинство слова и образа» (секция «Хринология сирийских авторов») 19 ноября 2020 г. в докладе «Хринология Мартирия-Сахдоны в свете православного богословия»,

— на четырех ежегодных конференциях Московской духовной академии «Актуальные вопросы современной богословской науки»:

— в 2017 г. — в докладе «Хринология Мартирия-Сахдоны»,

— в 2018 г. — в докладе «Биография и сочинения Мартирия-Сахдоны»,

— в 2019 г. — в докладе «Антропология Мартирия-Сахдоны»,

— в 2020 г. — в докладе «Учение о молитве Мартирия-Сахдоны в свете православной традиции».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1. Очерк историографии.

§ 1.1. Рукописи основного источника. Основным материалом для диссертации являются сочинения Мартирия-Сахдоны, которые сохранились в нескольких рукописях на сирийском языке. Отдельные, самые незначительные по объему фрагменты сохранились только в древнем арабском переводе. Лишь одна рукопись содержит полное (на данный момент) собрание его сочинений, в остальных рукописях представлены более или менее пространные фрагменты.

§ 1.2. Издания сочинений Мартирия-Сахдоны. Все это рукописное наследие было издано в несколько этапов в с 1960 по 2010 гг. прошлого века: сначала был издан основной корпус всех произведений², а в последующие годы публиковались новооткрытые добавления к ним³. Неизданным остался только один фрагмент в несколько листов, обнаруженный в 2009 г. Полное описание рукописей выполнил их издатель Андре де Аллэ, который и перевел основную часть этих произведений на французский язык⁴. Кроме того, имеется древний грузинский перевод, а также современные немецкий, английский и итальянский переводы выборочных фрагментов. В процессе написания диссертации были опубликованы три фрагмента в переводе на русский язык.

§ 1.3. Исследования. Сразу после открытия данных сочинений была написана небольшая статья о учении Мартирия-Сахдоны на немецком языке. На русском языке Мартирию была посвящена только одна статья о его жизни. В 1956 г. была защищена диссертация бельгийского востоковеда Андре де Аллэ о богословии и аскетизме в сочинениях Сахдоны⁵ — единственный по сей день фундаментальный труд, посвященный этому автору. Она состоит из двух частей: в первой излагаются биография, сведения о литературных трудах и христологическое учение Мартирия-Сахдоны; во второй

2 Они были изданы вместе с их французским переводом: *Martyrius (Sahdona). Œuvres spirituelles I: Livre de la perfection, 1re partie / éd. A. de Halleux. Louvain, 1960. (CSCO; vol. 200–201. Scriptorum syri; t. 86–87); Idem. Œuvres spirituelles II: Livre de la perfection, 2me partie (ch. 1–7) / éd. A. de Halleux. Louvain, 1961. (CSCO; vol. 214–215. Scriptorum syri; t. 90–91); Idem. Œuvres spirituelles III: Livre de la perfection, 2me partie (ch. 8–14) / éd. A. de Halleux. Louvain, 1965. (CSCO; vol. 252–253. Scriptorum syri; t. 110–111); Idem. Œuvres spirituelles IV: Lettres à des amis solitaires. Maximes sapientiales / éd. A. de Halleux. Louvain, 1965. (CSCO; vol. 254–255. Scriptorum syri; t. 112–113).*

3 *Brock S. P. A Further Fragment of the Sinai Sahdona Manuscript // Le Muséon. 1968. Vol. 81. P. 139–154; Idem. New fragments of Sahdona's Book of Perfection St. Catherine's Monastery, Mount Sinai // OCP. 2009. Vol. 75. P. 175–178; Halleux A., de. Le sermon géorgien du moine Martyrios et son modèle syriaque // Le Muséon. 1956. Vol. 69. P. 243–312; Idem. Un nouveau fragment du manuscrit sinaïtique de Martyrius-Sahdona // Le Muséon. 1960. Vol. 73. P. 33–38; Idem. Das Martyrius-Fragment der H. Hiersemann 487/255b=500/3 // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1977. Suppl. Bd. 3/1. S. 202–204; Idem. Un chapitre retrouvé du livre de la Perfection de Martyrius // Le Muséon. 1988. Vol. 75. P. 253–296; Géhin P. Un feuillet oublié de Martyrius/Sahdona à Milan (Ambr. A 296 inf., f. 87 = Chabot 51) // Sur les pas des Araméens chrétiens. Mélanges offerts à Alain Desreumaux / éd. F. Briquel-Chatonnet, M. Debié. Paris, 2010. (Cahiers d'études syriaques; vol. 1). P. 195–205.*

4 См.: *Martyrius (Sahdona). Œuvres spirituelles I: Livre de la perfection, 1re partie / éd. A. de Halleux. Louvain, 1960. (CSCO; vol. 200. Scriptorum syri; t. 86). P. I–XVIII.*

5 *Halleux A., de. Martyrios-Sahdona: théologie et spiritualité d'un «hérétique» dans l'Église perse au VIIe siècle. Louvain, 1956.*

раскрывается аскетическое учение писателя. Де Аллэ установил в сочинениях Сахдоны источники цитирования не только из Библии, но и из святоотеческих творений и философских флорилегиев. В первой части диссертации А. де Аллэ делает заключение, содержащее выводы об историчности Сахдоны, датировке написанных им сочинений и фактически неоспоримом (по мнению автора) «ортодоксальном несторианстве» Мартирия. Вторая часть диссертации под названием «Spiritualité» («духовность») имеет четыре главы. В первой излагаются мысли Мартирия относительно антропологии и сотериологии; во второй рассматриваются различные роды жизни в миру и в монашестве по высказываниям Мартирия; третья глава посвящена хранению ума и сердца как условию для молитвы и созерцания; в четвертой главе А. де Аллэ изучает вопрос источников, которыми пользовался писатель.

Во 2-й половине XX — начале XXI века в Европе и США было написано более десятка научных статей о учении Сахдоны и одна статья о его жизни, а также несколько кратких заметок о нем в различных энциклопедиях. Авторы всех этих работ согласны с А. де Аллэ в том, что Сахдона так и остался «несторианином». В некоторых из них рассмотрены отдельные стороны его этики с точки зрения генезиса его мысли. Тем не менее, ни одна из этих работ не имела целью проанализировать его аскетическое учение в свете святоотеческого предания.

Глава 2. Жизнь, литературные труды и особенности вероучения Мартирия-Сахдоны. при изучении письменного наследия Мартирия-Сахдоны было необходимо, прежде всего, особую главу посвятить историческим и догматическим вопросам, раскрытие которых требуется темой диссертации, поскольку в богословской работе, посвященной сочинениям аскетического писателя, первостепенное значение имеет вопрос о его конфессиональной принадлежности. Этот вопрос решается, во-первых, через рассмотрение фактов из его биографии и, во-вторых, — через

обращение ко всему, написанному им о вере.

§ 2.1 посвящен биографии Мартирия-Сахдоны. Прежде всего, кратко описывается историческая ситуация в Иране и в Римской империи в рассматриваемый период. Затем излагается биография Мартирия на основании его собственных свидетельств о себе и четырех дополнительных источников: писем католикоса Ишоява III, «Истории монахов» Фомы, еп. Маргского, «Истории несториан» («Хроники Сеерта») и «Книги целомудрия» Ишоднаха, еп. Басрского. Сведения о жизни Мартирия немногочисленны и отрывочны, что определило формат подачи материала: оказалось возможным и целесообразным учесть и изложить все известные факты из его биографии. Реконструкция событий его жизни представлена в целостности за счет метода исторического синтеза разрозненных сведений из различных источников.

В § 2.2 исследуемые произведения характеризуются с точки зрения их состава, структуры и литературных особенностей. Сведения об аскетических сочинениях в традиционном порядке излагаются вместе с биографией их автора. Прежде всего, в подпараграфе 2.2.1 дается обзор содержания всех произведений Мартирия и отмечается, для кого они были написаны.

В подпараграфе 2.2.2 устанавливаются источники, которыми пользовался Мартирий. Прежде всего, он очень много цитирует Священное Писание. Вторая по значимости для него группа источников — это творения святых отцов Православной Церкви: свт. Василия Великого, прп. Ефрема Сирина, свт. Иоанна Златоуста, прп. Исидора Пелусиота и свт. Григория Богослова — только их он называет по именам и несколько раз цитирует. Встречаются цитаты из новозаветных апокрифов: «Деяний Петра», «Деяний Иоанна» и «Бесед» Псевдо-Климента, — а также из изречений греческих философов. Многократно цитируются некие христианские произведения, авторы которых не называются по имени. На мысль Мартирия явно оказали влияние Феодор Мопсуестийский и Несторий, которых он также цитирует.

В подпараграфах 2.2.3 и 2.2.4 внимание сосредоточено на «Книге

совершенства» — трактате, составляющем основной объем письменного наследия Мартирия. Прежде всего, дается характеристика «Книги совершенства» как литературного памятника: указываются особенности ее стиля и языка, а также наиболее употребительные в ней художественные приемы и фигуры речи.

В подпараграфе 2.2.4 «Книга совершенства» рассматривается как композиционно целостное произведение, структура которого определяется аскетической концепцией автора. Для прояснения хода его мыслей и его намерений многое открывается из рассмотрения композиции данного произведения. При чтении как первой, так и второй ее части обращает на себя внимание то, что, рассуждая о том или ином предмете, автор почти всегда возвращается к теме любви к Богу и к ближнему. При рассмотрении различных аскетических тем во второй части произведения почти всегда говорится и о любви. Любовь, как можно предположить, является, по мысли автора, душой всякого аскетического делания и всякая добродетель достигает полноты и обретает подлинный смысл в любви⁶. Поэтому *любовь* можно назвать стержневым предметом «Книги совершенства», связывающим обе ее части: в первой представлен образ совершенной монашеской жизни и побуждение к нему через понуждение себя к труду по любви к Богу, а во второй части подробно изложено учение о добродетелях, центральное место среди которых занимает любовь.

§ 2.3 посвящен христологическому учению Мартирия-Сахдоны. Исповедание истин христианской веры у Мартирия представляет интерес именно в части христологии, поскольку во всем остальном он, по-видимому, не противоречит православному вероучению. Для того, чтобы вынести корректное суждение о конфессиональной ориентации Мартирия с точки зрения его догматических убеждений, понадобилось отдельно опубликовать

6 Любовь, по его словам, «есть, в действительности, самый ценный и предпочтительный из великих даров Божиих, которые все стремятся и сходятся к ней... без нее все они бесполезны и вся праведность — ничто... вся праведность состоит в соблюдении заповедей и усовершенствуется посредством любви» (*Martyrius (Sahdona)*. Liber perfectionis II, 4, 3; Ibid. II, 4, 7 // CSCO. 214. P. 32–33).

полный перевод той главы «Книги совершенства», в которой он выразил свое восприятие христианских догматов⁷. Мысли Мартирия о способе соединения Божества и человечества во Христе необходимо было рассмотреть в контексте вероучения Церкви Востока, сопоставляя их с православными догматами. Задачу данного анализа можно кратко сформулировать как ответ на вопрос: является ли исповедание Сахдоной единства ипостаси Христа достаточным основанием считать его христологию православной?

2.3.1. Особенности христологической терминологии Церкви Востока и у Мартирия-Сахдоны. Для ответа на вышеозначенный вопрос следовало, прежде всего, выяснить, что значит в его понимании слово ܩܢܘܡܐ [qnōmā] и можно ли его переводить как «ипостась». Посредством обращения к нескольким первоисточникам и к четырем сирийско-латинским словарям было показано, что сирийцы и греки стремились к единству терминологии в богословском диалоге, хотя и вкладывали в слова неодинаковый смысл, последнее в особенности относится к понятию «ипостась». Было обосновано, что слово ܩܢܘܡܐ [qnōmā] можно переводить как «ипостась». Кроме сказанного, правомерность такого решения подтверждается общераспространенной практикой среди европейских ученых, которые переводят его так же. Мартирий, очевидно, и сам старался вкладывать в это слово смысл, близкий к тому, который имеет слово «ипостась» в Оросе Халкидонского Собора.

2.3.2. Единство ипостаси Христа у Мартирия-Сахдоны. Мартирий попытался переосмыслить понятие *qnōmā* (ипостась), по-видимому, отождествив его с лицом⁸. Однако не все с этим согласны: Бишара Эбейд, работающий над осмыслением христологии Сахдоны, считает, что *лицо* и *ипостась* у него не тождественны⁹. К сожалению, он замечает об этом

7 Приложение 2.

8 См.: Приложение 2, § 21.

9 См.: *Ebeid B. Christology and Deification in the Church of the East. Mar Gewargis I, His Synod and His Letter to Mina as a Polemic Against Martyrius-Sahdona // Cristianesimo nella storia. 2017. Vol. 38. P. 772 (footnote 137).*

мимоходом и не дает пояснений, обещая изложить их в готовящейся статье, которая еще не опубликована. Современники Мартирия, тем не менее, считали, что он отождествляет эти понятия: католикос Ишояв III пытался убедить его, что следует их различать¹⁰.

Сахдона, по крайней мере, формально, признал схему, принятую Халкидонским Собором: одно лицо, одна ипостась и две природы во Христе, — к тому же, он цитирует Орос этого Собора¹¹. Однако оказывается, что при этом в его христологии имеются такие особенности, которые дают понять, что он не разделяет православных взглядов безоговорочно. Так, у него имеют место заимствования из произведений Нестория и Феодора. Мартирий иногда выражает свои мысли так, что в них, с большой долей вероятности, можно усматривать признание двухсубъектной христологии. Например, в § 30 он говорит, что человек во Христе своей природой соединился с Богом, из чего ясно, что, по мнению Мартирия, можно сказать, что во Христе есть «человек», и есть «его природа» (если Мартирий так выразился, то под «человеком» он подразумевал не природу). Обнаружены и другие сомнительные, с точки зрения Православия, выражения: так, Божество и человечество во Христе он обозначает как «тот и другой» и «каждый из них». Некоторые сомнительные высказывания можно попытаться объяснить особенностями сирийского языка, но следует допустить, что Мартирий, как уже неоднократно отмечали разные исследователи¹², действительно, мог в той или иной мере придерживаться христологии Церкви Востока.

В подпараграфах 2.3.3 и 2.3.4 устанавливаются параллели и противоречия между христологией Мартирия, с одной стороны, и христологией Нестория и Бабая Великого, с другой стороны. Мартирий использовал несторию «Книгу Гераклида» для изложения своей

10 См.: *Iṣḏ'yahb III Patriarcha. Epistulae II, 7 // Iṣḏ'yahb III Patriarcha. Liber epistolarum / R. Duval, ed. Parisiis: e Typographeo Reipublicae; Lipsiae: Otto Harrassowitz, 1904 (CSCO; 64. Scriptores syri). P. 135:7–15.*

11 См.: Приложение 2, § 27.

12 Подробнее см.: *Максим (Судаков), мон. Мартирий-Сахдона: обзор источников и исследований // Метафраст. 2019. № 2 (2). С. 159–179.*

христологии: он цитировал ее и, хоть и в неявной форме, позаимствовал из нее идею природных лиц. Сходство с Бабаем проявилось в употреблении Мартирием выражения «лицо сыновства» для обозначения природного лица Бога Слова. Однако безусловное значение Мартирий придавал одному лицу, объединяющему две природы: по этой причине он несколько раз повторяет тезис об одном лице, не заостряя внимания на природных лицах.

2.3.5. Проблемы в осмыслении языковых выразительных средств Мартирия-Сахдоны. Наряду с более или менее явными отклонениями от православного вероучения в христологии, у Мартирия встречаются выражения, свойственные антиохийской богословской традиции, которые при неправильном толковании можно понять как неправославные, хотя в сущности это не так: их можно найти и в православных источниках: помимо Св. Писания, они употребляются в богослужебных текстах и в святоотеческих произведениях. Эти выражения суть следующие: метафоры облачения в одежду и вселения в дом, используемые по отношению к Боговоплощению, а также употребление слова «человек» вместо «человечество».

2.3.6. Мартирий-Сахдона и монофелитство. Исторические рамки жизни Сахдоны ставят еще одну проблему для установления его конфессиональной принадлежности: это было время, когда император Ираклий распространял монофелитскую унию. Поскольку Мартирий переходил в Церковь Римской империи и, по свидетельству некоторых источников, даже встречался с Ираклием, то очень вероятно, что он переходил именно к монофелитам, тем более что Церковь Востока исповедует во Христе одну волю. Однако явных следов монофелитства в исповедании Сахдоны не обнаружено.

2.3.7. Свидетельства рукописной традиции. История рукописей с произведениями Мартирия предоставляет два факта, свидетельствующих о почитании этого писателя в Православии и католицизме. Если первый факт — употребление его произведений в православной среде — является

весомым для определения его конфессиональной ориентации, то последний едва ли может быть принят всерьез, поскольку униатская политика Католической Церкви зачастую закрывает глаза на догматические отклонения от ее вероучения: для нее решающим фактором является признание главенства папы.

Глава 3. Сотериологические основы аскетического учения Мартирия-Сахдоны. Важнейшим вопросом, который нельзя было обойти стороной в диссертации, является осмысление Мартирием антропологии и сотериологии, так как они во многом определяют аскетическое учение.

§ 3.1. Последствия греха Адама и искупление человеческого рода. Высказывания Мартирия о последствиях грехопадения Адама и искуплении человеческого рода не всегда согласуются со святоотеческим учением. Каждый человек, по его мысли, несет наказание за грех Адама, которое проявляется в наследственности испорченной природы и в страданиях и тяготах земной жизни, заканчивающейся смертью. Неприемлемым для православной веры является мнение Мартирия об изначальной смертности и страстности человеческой природы, которое он, очевидно, воспринял от Феодора Мопсуестийского.

§ 3.2. Восстановление образа Божьего в человеке. Ключевое значение для аскетических поучений Сахдоны имеет тема образа и подобия Божиих в человеке, так как она непосредственно связана с идеей обожения человека и с наставлениями о любви к ближнему. В данном случае на мысль Мартирия могли оказать влияние творения свт. Иоанна Златоуста, которые он неоднократно цитирует.

§ 3.3. Покаяние как основной метод исцеления и преображения души и тела человека. Непосредственно после анализа антропологических и сотериологических аспектов в учении Сахдоны рассмотрена тема исцеления и преображения человека посредством покаяния как основного принципа духовной жизни. Разумеется, в наставлениях о покаянии Мартирий больше

всего внимания уделяет обращению человека на начальном этапе христианской жизни, когда он только решается обратиться от греха, но, вместе с тем, писатель много говорит и о важности покаяния для всех без исключения, утверждая, что нет такого праведника, который не нуждался бы в покаянии. Благодать Божия, как учит Мартирий, способна мгновенно изменить человека: действие благодати Божией в данном случае рассматривается как начало преобразования человека, которое достигает совершенства в обожении. Преобразование для Сахдоны — это, прежде всего, исцеление. Поэтому действие благодати Божией описывается посредством часто употребляемых различных медицинских образов, что вообще в большой мере характерно для сирийской аскетической литературы. По мнению Мартирия, покаяние в непродолжительное время способно вознести грешника до вершин праведности и высоких духовных состояний.

3.4. Молитва и созерцание как основное средство обожения человека. В связи с темой образа и подобия Божиих была отдельно рассмотрена антропологическая терминология Сахдоны¹³, которая особенно широко употребляется в поучениях о молитве и созерцании. Богатство антропологической терминологии в восьмой главе о молитве из второй части «Книги совершенства» (сравнительно небольшом фрагменте текста — $\frac{3}{4}$ авт. листа) свидетельствует о том, что учение о молитве у Мартирия имеет большое значение в плане осмысления спасения человека через обожение его природы, то есть оно у него непосредственно связано с сотериологией. Его учение о молитве и созерцании заслуживает особого внимания, потому что в нем, по сути, сосредоточены основные идеи его аскетического учения. По этой причине был опубликован перевод главы из «Книги совершенства» «О молитве, богослужении, бдении и чтении»¹⁴. Молитва, по учению Сахдоны, тесно связана с памятью Божией. Та и другая, как он убеждает, непосредственно приводят усердного подвижника, при его должном

13 См. таблицу в конце Приложения 4.

14 См.: Приложение 4.

нравственном устроении, к духовному созерцанию Божественного света. Именно молитву и память Божию этот автор считает основными средствами преуспевания в любви к Богу, при которой духовная жизнь достигает совершенства¹⁵ в действительном приобщении к Божеству, то есть в обожении, в котором он видел конечную цель человеческой жизни.

Глава 4. Учение о страстях и о борьбе с ними изложено в соответствии с тем, как расставляет акценты сам Мартирий: на каких страстях он сосредотачивает внимание, те и рассмотрены особо. Перечень этих страстей довольно точно соответствует восьмичленной схеме порочных помыслов Евагрия Понтийского, на основании чего можно предположить, что данная повсеместно распространенная схема повлияла на Мартирия, пусть даже он сознательно пренебрегает ею. Это оказалось удобным при рассмотрении аскетического учения Мартирия в свете православной традиции, для которой данная схема имеет большое значение.

§ 4.1. Чревоугодие, по мнению писателя, является причиной многих грехов, вплоть до богоотступничества. Эта страсть проявляется в употреблении пищи в неумеренном количестве, а также — в пристрастии к вкусной пище: таким образом, различаются объедение и лакомство. Употребление пищи вопреки необходимости даже в малой мере приводит к укреплению страсти и нарушает гармонию душевных сил, поэтому недопустимо уступать страсти даже в малой мере. Сахдона считает необходимым отказ от употребления алкоголя, поскольку он сильно разжигает телесные страсти

§ 4.2. Блуд. Чревоугодие Мартирий непосредственно связывает с блудной страстью как причину со следствием. Проявление этой страсти он рассматривает вообще, но основное внимание уделяет монахам и наибольшее

15 А. де Аллэ приходит к выводу, что совершенство для Сахдоны состоит в соединении с Богом по любви через постоянное размышление о Нем и, когда человек устаивается получить от Бога благодать в изобилии, созерцание Его (*Halleux de, A. Martyrios-Sahdona: théologie et spiritualité d'un "hérétique" dans l'Eglise perse au VIIe siècle. Louvain, 1956. P. 133–137).*

значение придает соблюдению девства¹⁶, что естественно для сирийского монашеского писателя: в этом можно усмотреть общую тенденцию сирийского аскетизма, которая прослеживается еще у Афраата в его «Тахвите о сынах завета»¹⁷.

§ 4.3. Сребролюбие, как имеющее предметом своего вожделения вещественное, наиболее близко примыкает к плотским страстям: чревоугодию и блуду, хотя, разумеется, «центр тяжести» всех страстей находится в душе¹⁸. Мартирий выражает свое негодование на современных ему монахов, нарушающих обет нестяжательности, укоряя их за привязанность к деньгам, за дружбу с богатыми, за их надежду на богатство, свидетельствующее об их неверии, и за презрение к бедным, говорящее об оскудении в них любви. Основные причины пристрастия к материальным благам Мартирий усматривает в неверии, привязанности к удобствам и тщеславии.

§ 4.4. Гнев в поучениях Мартирия рассматривается как первый в ряду душевных страстей. Мартирий много внимания уделяет взаимоотношениям между людьми. У него есть немало увещаний к прощению обид, к примирению между поссорившимися, к тому, чтобы никого не судить, не злословить и не слушать злословия. Все сказанное Мартирием об этих предметах имеет параллели у святых отцов.

§ 4.5. Печаль и уныние. У Сахдоны можно найти достаточно наставлений касательно обеих этих страстей. В диссертации, в соответствии с евагрианской схемой восьми порочных помыслов, под *печалью* понимается угнетенное душевное состояние, имеющее причину в какой-либо внешней неприятности или в душевном неблагополучии (например, от сильного нападения греховных помыслов), тогда как под *унынием* понимается более

16 См.: Приложение 3, в котором дан полный перевод на русский язык главы «О девстве и святости» из «Книги совершенства».

17 См.: *Кессель Г. М.* Учение о духовной жизни Афраата Персидского Мудреца по «Тахвите о сынах Завета» // Богословские труды 38. М.: ИСПЦ, 2003. С. 362.

18 *Зарин С. М.* Указ. соч. С. 258.

тонкая и более всеобъемлющая страсть, как правило, не вызванная чем-либо внешним и не имеющая очевидной причины, но проявляющаяся как общее болезненное состояние апатии, утомленности, лени и нетерпения и часто провоцируемая непосредственным демоническим воздействием. Если говорить о монахах, то в печаль и уныние могут впасть как общежительные монахи, так и отшельники, но чаще всего печаль нападает на монахов в киновии, а уныние — на пустынников. О борьбе с печалью Мартирий пишет, что для того чтобы не малодушествовать в скорбях, необходимо терпение, которое также является необходимым условием для проявления любви к обижающим. И опять-таки, любовь является причиной благодушного перенесения любой скорби. Сохранение доброго расположения к ближним в душе является залогом беспечалия в скорбях, причиняемых ими: спокойное перенесение огорчений производит в душе кротость и сострадание — те качества, которые наиболее уподобляют Богу.

§ 4.6. Тщеславие и гордость. Страсть гордости Мартирий связывает с происхождением зла в мире и с причиной греховности человечества: первоначально взбунтовался денница, заявив свои претензии на неподобающее ему достоинство, и впоследствии он заразил гордостью Адама, который передал эту заразу всем своим потомкам. Бесплотным духам, по мнению Сахдоны, более прилична гордость, поскольку у них нет тела, могущего напоминать тварному существу о его смирении. Духовный писатель призывает обратить внимание как на пример для подражания на осмотрительность ангелов: как они остерегаются гордости после падения денницы, несмотря на то, что для бесплотного возгордиться еще удобнее, чем для человека. Милость Бога к возгордившемуся человеку проявилась в том, что Он тотчас смирил его через тело, которое не допустило человеку пасть неисправимо, как случилось с дьяволом.

Страсть тщеславия Мартирий связывает с естественным и неукоризненным стремлением человека к прекрасному. Благое направление

этого стремления заключается в желании небесной славы и похвалы от Бога, а не от людей. В своих наставлениях о противодействии тщеславию и гордости Мартирий излагает свои наблюдения за тончайшими мысленными искушениями, такими как желание скрыть свои добрые дела не ради избежания похвал от людей, но ради того, чтобы люди, узнав о желании человека скрыть свои добродетели, стали еще больше почитать его как не просто благочестивого, но как духовного.

В **5-й главе** проанализировано **учение о добродетелях** в сочинениях Мартирия, которое более систематизировано, чем учение о страстях, так как сам автор композиционно выделяет именно добродетели. Кроме того, в речи о них выделяются наиболее употребительные понятия, с помощью которых разъясняется их смысл.

В § 5.1 рассмотрены три таких понятия: *путь*, *страх Божий* и *красота*. Слово «путь» (5.1.1) служит метафорическим изображением жизни по Божиим заповедям в таких выражениях, как «путь праведности», «путь добродетелей», «путь Христов», или же (несравненно реже) «путь греха». О важности для писателя образа пути говорит частота его употребления: слово «путь» он употребляет 138 раз, причем 128 раз — в 1-й части «Книги совершенства», так как в этой части речь идет по преимуществу о добродетелях в целом, без выделения конкретных добродетелей. Мартирий любит использовать данный образ, так как он часто встречается и в Священном Писании.

С помощью понятия *страх Божий* (5.1.2), которое по-сирийски обозначает *благочестие*, Мартирий также изображает добродетели в их совокупности: *страх Божий* для него в основном является синонимом *праведности*. Замечается похожая на предыдущий случай закономерность в частоте употребления этого понятия: в 1-й части «Книги совершенства» оно встречается 29 раз, а во 2-й части — 15 раз. Иногда в данное понятие вкладывается смысл, близкий к *монашеской жизни*.

Несколько подробнее рассмотрено понятие *красота* (5.1.3), так как с помощью него регулярно говорится об обожении человека: подвижник отображает в себе Божию красоту через уподобление Богу в добродетелях, которым, в свою очередь, также присуща красота, непосредственное же созерцание Божией красоты является прямым путем соединения с Богом. Установлен ряд параллелей в употреблении понятия *красоты* с греческими и сирийскими святыми отцами и церковными писателями.

§ 5.2 посвящен учению Мартирия-Сахдоны о трех главных христианских добродетелях: вере, надежде и любви.

Веру (5.2.1) Мартирий называет основанием страха Божьего и праведности и началом пути к Богу. Догматы веры должно принимать просто и без всякого испытания, чтобы не впасть в заблуждение. Не всякому можно самостоятельно исследовать глубины Священного Писания, но только имеющему чистое сердце. Искренность веры подтверждается добродетельной жизнью. В то же время, добрые дела и подвиги язычников и еретиков, как не основанные на истинной вере, суетны.

У Мартирия можно выделить два вида **надежды** на Бога (5.2.2): надежда кающихся грешников, еще не утвердившихся в добре, и надежда святых. Он говорит, что надежда помогает человеку двояким образом: помогает встать после падений и способствует в приобретении добродетелей. Надежда предохраняет от отчаяния того, кто впал в тяжкий грех. В то же время, с помощью надежды удобно взойти на небо и созерцать, как в зеркале, образ таинства. Истинную надежду на Бога возможно приобрести только скорбями и трудами — об этом неоднократно говорит и прп. Исаак Сирийский.

Тема **любви** — «совокупности совершенства» (Кол. 3, 14) — у Мартирия занимает особое место: и самое заглавие его главного аскетического произведения указывает на то, что основным его предметом является совершенство. Оно для Мартирия состоит в соединении с Богом по любви через постоянное размышление о Нем и, когда человек устаивается

получить от Бога благодать в изобилии, — через созерцание Его. Однако любовь должно иметь всякому, так как она является не только верхом совершенства, но и душой всякого аскетического делания: обращение человека к Богу через покаяние также совершается из любви к Богу.

В заключение параграфа (5.2.4) три добродетели рассмотрены во взаимосвязи. Мартирий-Сахдона, особо выделяя в своих наставлениях веру, надежду и любовь, подчеркивает исключительное значение этих добродетелей для достижения цели христианской жизни — соединения с Богом, или, иначе говоря, обожения, о котором говорится, главным образом, именно в главах о вере и о любви. В главе о вере Мартирий пишет об обожении человеческой природы во Христе, а в главе о любви — об обожении христианина, достигшего совершенства любви к Богу. «Через нее, — говорит он, — человек становится жилищем Святой Троицы, и она соединяет его с Богом настолько, что он становится с Ним одной волей»¹⁹.

§ 5.3. Воздержание Мартирий считает важнейшей добродетелью: по его мнению, духовная жизнь и противодействие любым порокам не может осуществляться без строгости в отношении пищи. Сахдона учит о необходимости всецелого воздержания по телу и по душе. Воздержание в пище нужно соблюдать постоянно, даже если человека не беспокоят страсти, — ради предосторожности. В своих поучениях о борьбе с плотскими страстями Мартирий ригористичен (например, он считает, что пища должна быть самой простой, и при этом должно избегать не только переедания, но и насыщения), тем не менее он остается в рамках святоотеческого учения, на котором основывается. Мартирий ничего не говорит о тайноядении.

§ 5.4. Девство Мартирий называет монашеским обетом. Наряду с девством он говорит и о **святости**, которое, судя по контексту, следует считать *чистотой* или *целомудрием*. Мартирий убежден, что соблюдение девства — это сверхъестественное состояние, то есть дело, превышающее

19 *Martyrius (Sahdona). Liber perfectionis II, 4, 3 // CSCO. 214. P. 32; см. об этом же §§ 10–11.*

силы человеческой природы: оно возможно только как Божие дарование при условии предельного напряжения сил подвижника. Самым трудным, по высказываниям Мартирия, является сохранение в чистоте своей души при телесном воздержании, то есть отказе от брака. Такое восприятие девства, как подчеркнуто в диссертации, вполне разделяется святыми отцами.

§ 5.5. В понятия *странничество* и *нищета* Мартирий вкладывает смысл отречения от мира вообще, то есть от всего, что мешает монаху в его духовном труде: от пристрастия к различного рода собственности и от родственных и дружеских связей. Мерой же довольства материальными благами, по Мартирию, должна быть необходимость потребного для жизни. Писатель излагает оригинальную схему освобождения человека от привязанности к материальному, поучая, что должно отказаться от денежной собственности (ܩܢܝܢܐ ܕܘܬܪܐ [qenyānē d-^sutrā]), от обусловленных ею удобств (ܢܘܗܝܐ [nyāḥē]), от обусловленных ими страстей (ܢܚܫܐ [ḥaššē]), от порочных помыслов (ܡܗܫܒܐܬܐ ܒܝܫܐܬܐ [maḥšbātā bīšātā]) о них (*о собственности или об удобствах — и. М.*) и от расположений в уме (ܡܫܒܪܢܘܬܐ ܕܐܒܘܬܐܪܝܬܐ [masbranwātā da-b-^starītā])²⁰.

§ 5.6. Добродетели **терпения** Мартирий-Сахдона посвящает отдельную главу. Терпение Мартирий указывает как средство для противодействия унынию. Эта добродетель также является необходимым условием для проявления любви к обижающим. Мартирий убежден, что без терпения в скорбях и телесных подвигах невозможно спастись. Мученичество, по его мнению, проявляется не только в гонениях, но и в добровольных подвигах: посте, бдении, молитве и прочих трудах подвижничества.

§ 5.7 посвящен добродетели **кротости** в поучениях Мартирия. В «Книге совершенства» есть много увещаний к прощению обид и к тому, чтобы искать примирения с обидевшим. Кроме того, Мартирий говорит, что всякий должен не только прощать сам, но еще и заботиться о том, чтобы никто не гневался

20 См.: *Martyrius (Sahdona)*. Liber perfectionis II, 5, 14 // CSCO. 214. P. 54–55.

на него, так как Богу негодна молитва и, вообще, какая бы то ни было жертва от человека, на которого кто-либо гневается. От потерпевшего обиду Мартирий требует крайнего смирения: он сам должен припасть к ногам обидевшего и просить у него прощения за то, что ввел его в гнев.

В § 5.8 рассматриваются вместе добродетели **смирения и послушания**: Смирение Мартирий признает Божией добродетелью, так как в собственном смысле ею обладает только Христос. Осознание своей греховности, по мнению писателя, — это еще не смирение. Мартирий увязывает смирение с деятельным проявлением любви к ближним: он увещевает признавать все свои способности дарованиями Божиими и смиренно употреблять их на служение ближним, вместо того чтобы гордиться ими. Монашеское послушание Мартирий воспринимает, прежде всего, как служение ближним. О пользе послушания в отречении от своей воли он почти не пишет, что свойственно и другим сирийским аскетическим писателям.

Приложения. В 1-м приложении приведены основные термины для обозначения страстей и добродетелей, используемые Мартирием. Во 2-м, 3-м и 4-м приложениях содержатся переводы трех глав из «Книги совершенства» вместе со словарями к ним. Выбор глав обоснован важностью для работы тех тем, которым они посвящены. В 5-м приложении помещена карта Западного Ирана VII века с обозначением основных географических пунктов, связанных с деятельностью Мартирия-Сахдоны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ источников приводит нас к следующим выводам. Мартирий-Сахдона сознательно пошел на конфликт с Церковью Востока, приняв нетрадиционные для нее суждения в христологии, поскольку христологическая схема той традиции, в которой он был воспитан, перестала его удовлетворять. Однако и безусловно принять православную позицию ему было нелегко. Как в представителе Церкви Востока, в нем были укоренены постулаты двухсубъектной христологии, основанной на мнениях Феодора Мопсуестийского и Нестория. Особенности сирийского языка также заметно повлияли на богословскую мысль, изложенную в его сочинениях. Он формально признал истинность некоторых выражений Халкидонского Собора, в частности — схему: одно лицо и ипостась и две природы во Христе, — но, вместе с тем, не отказался и от таких суждений, как возможность исповедания во Христе «человека с его природой» и обозначения во Христе Божества и человечества такими двусмысленными языковыми средствами, как «тот и другой», «каждый из них», которые лишь отчасти можно оправдать особенностями сирийского языка. Во всяком случае, подобные выражения никогда не употребляли православные сирийские авторы: прп. Ефрем, прп. Исаак и Афраат. Фактом являются и следы христологии Нестория в богословии Мартирия, а также дословные заимствования из его «Книги Гераклида». Феодор Мопсуестийский оказал влияние на Мартирия не только в христологии, но и в антропологии, в которой последний также высказывает неправославные мнения.

Мы располагаем сведениями и о том, что Мартирий колебался, то возвращаясь в Церковь Востока, то снова уходя из нее: возможно, причина такого колебания — в нетвердости его убеждений, в пользу чего свидетельствуют показания источников о том, что и православные не всегда были удовлетворены чистотой его догматической позиции. Если о его

христологическом учении судить по тому сочинению, которое он написал еще прежде конфликта с иерархией Церкви Востока, то приходится признать, что православное исповедание в нем скорее искажено. Если и попытаться найти возможность оценить это учение как православное, то придется делать много оговорок, толкуя этот текст на основании гипотетических положений. Не исключено, что Мартирий впоследствии мог скорректировать свои взгляды и даже безоговорочно принять православное вероучение. Достоверно известно, что он закончил свои дни в окрестностях города Эдессы (в Римской империи), будучи вынужден удалиться туда из юрисдикции Церкви Востока после его очередного соборного осуждения в ней. Есть вероятность, что он мог умереть в мире с Православной Церковью, тем более что история рукописей свидетельствует о рецепции его литературного наследия Православной Церковью, по крайней мере, в IX–XIII вв., хотя из рукописей же известно и об употреблении его произведений у несториан и монофизитов.

В своих сочинениях Мартирий предпочитает опираться почти исключительно на Священное Писание непосредственно. Это проявляется не только в особом изобилии у него библейских цитат, но и в концепции изложения этического учения, в основу которой положены три добродетели — вера, надежда и любовь, выделенные апостолом Павлом (см. 1 Кор. 13, 13). Поучения Мартирия о добродетелях и страстях, как видим, во многом схожи с поучениями святых отцов, потому что их сочинения составляли для него основную группу литературных источников, разумеется, после Священного Писания. Нам также удалось заметить, что на его учение о страстях могла косвенно повлиять евагранская схема порочных помыслов.

Когда Мартирий касается темы спасения людей Сыном Божиим, а также связанных с этой темой вопросов первородного греха и восстановления в человеке образа Божьего, он выходит за рамки православного учения в понимании последствий первородного греха, повторяя за Феодором

Мопсуестийским, что человек смертен и страстен по природе и, в силу несовершенства своей природы, грешит по необходимости. Тема образа Божьего в писаниях Мартирия излагается в контексте поучений о любви к Богу и ближнему — предмете, наиболее для него важном, являющемся основным структурообразующим фактором в построении его мысли и в композиции его главного аскетического сочинения — «Книги совершенства».

Незначительное отклонение Мартирия от православной аскетической традиции можно усмотреть в его излишнем ригоризме в поучениях о воздержании и о браке, а также в его взгляде на монашеское послушание. Так, о любви к ближним он пишет, что в человеке, проявляющем любовь и не встречающем равной взаимности, она оскудевает. Если же сопоставить осмысление Мартирием монашеского послушания с поучениями греческих святых отцов, то можно заметить, что у него несколько смещены акценты: он воспринимает послушание слишком односторонне, находя в нем, в основном, внешнюю пользу и почти упуская из виду душевную пользу отречения от собственной воли. Однако православные сирийские авторы также не заостряли внимания на данном аспекте послушания. Еще один непроясненный вопрос ставят поучения Мартирия о созерцании и обожении: если он учит об этих предметах так уверенно, то он, очевидно, сам должен быть, хоть в какой-то степени, причастен к опыту таких высоких состояний. Свидетельств о ложности этого опыта при сравнении его с тем, что пишут о созерцании святые отцы, обнаружено не было.

Подводя итог всему сказанному здесь о его аскетическом учении, констатируем, что, несмотря на немногочисленные особые мнения Мартирия-Сахдоны, в целом все относящееся к этике содержание его сочинений органично сочетается со святоотеческим преданием и зачастую с удивительной глубиной описывает законы духовной жизни. Наиболее важным при этом представляется то, что главная идея поучений Мартирия не вступает в противоречие с православной аскетикой: первостепенную

значимость писатель придает своим наставлениям о любви к Богу и к ближним. Эта тема для него столь важна, что он композиционно выделяет ее и постоянно возвращается к ней в своих поучениях. Он тесно связывает ее с памятью о Боге, с познанием Бога и с созерцанием Его: молитва и размышление о Боге, служащие ступенью к созерцанию, согласно Мартирию, являются основным средством для возрастания в любви к Богу. Совершенство любви к Богу, по его учению, состоит в соединении с Ним, то есть в обожении. Основная идея Мартирия, которую можно выявить в его произведении, — показать путь к соединению с Богом через любовь к Нему и к ближнему. В своих наставлениях он старается научить, что нужно делать для того, чтобы неуклонно совершенствоваться в любви. Очень вероятно, что взгляды Мартирия на аскетическую практику определили его догматические убеждения, то есть что он стал учить о единстве ипостаси Господа Иисуса Христа по той причине, что, по его мнению, иначе не было бы возможным взаимообщение свойств Божества и человечества во Христе и, как следствие этого, — обожение человека, в котором, как он был убежден, и состоит спасение. При этом нельзя забывать и о формировании его как богослова в Нисибинской академии под влиянием учения Хнаны Адиабенского, который сочувствовал догматическому определению Халкидонского Собора и, разумеется, мог сообщить такой соответствующий настрой Мартирию.

Согласие между Мартирием и святыми отцами в этическом учении естественным образом, вызывает недоумение, потому что общеизвестен принцип, согласно которому догматическое учение определяет этику и духовный опыт²¹, равно как и чистота догматического учения, которое исповедует христианин, зависит от его нравственности²². Исходя из такого

21 Например, о смиренномудрии прп. Иоанн Синайский замечает: «Невозможно пламени происходить от снега; еще более невозможно быть смиренномудрию в иноверном или еретике. Исправление это принадлежит одним верным и благочестивым, и притом уже очищенным» (*Joannes Climacus. Scala Paradisi* 25 // PG. 88. Col. 996:27–31).

22 Так говорит, в частности, свт. Иоанн Златоуст: «Невозможно, подлинно невозможно, чтобы проводящий нечистую жизнь не колебался в вере» (*Joannes Chrysostomus. De verbis apostoli, “Habentes autem eundem spiritum fidei, sicut scriptum est”, item de his verbis, “Credidi, propter quod locutus sum”, et de elemosyna* 10 // PG. 51. Col. 280:26–27), — и блж. Феофилакт, архиеп. Болгарский: «Когда жизнь бывает

принципа, можно ожидать, что во всяком духовно-назидательном сочинении, написанном неправославным автором, этическое учение искажено. Иринеи Осерр, ставивший данный вопрос в своей статье²³, обращает внимание на нескольких авторов, которые, по его мнению, нарушают вышеозначенный принцип. Он пишет о Евагрии Понтийском, прп. Никодиме Святогорце с его «Невидимой бранью», о прп. Максиме Исповеднике, несправедливо приписывая ему оригенизм, главное же место он уделяет прп. Исааку Сирину, которого он, также несправедливо, считает несторианином. Разумеется, его суждения о преподобных Максиме, Исааке и Никодиме как о имевших догматические искажения, не выдерживают критики, что, впрочем, здесь неуместно пояснять. И. Осерр только обозначает проблему, как он и сам это подчеркивает, и не дает какого-либо ответа на этот сложный вопрос. В конце статьи он только приводит слова одного старца из «Луга духовного» о том, что причина разделений в Церкви заключается в недостатке у нас любви к Богу и друг ко другу, и от себя добавляет, что корнем всякой ереси и всякого раскола является человеческое самолюбие²⁴. Вместе с тем, свт. Иоанн Златоуст утверждает, что и у еретиков часто можно видеть безукоризненную жизнь²⁵, а прп. Максим Грек восхищается строгостью жизни католических монашеских орденов, ставя ее в пример для православных монахов²⁶. Впрочем, эти высказывания святых отцов не заключают в себе мысли о полном отсутствии у еретиков искажения в этике, но свидетельствуют только о наличии у них внешней исправности в жизни по евангельским заповедям.

Интересное наблюдение по данной проблеме высказал архимандрит Рабан Роджер-Юсеф Ахрасс (Сиро-Яковитская Церковь): установив, что

нечиста, то от нее происходят и развращенные догматы» (*Theophylactus Bulgariae Archiepiscopus. Expositio in Epistolam I ad Timotheum I* // PG. 125. Col. 28:20–21).

23 *Hausherr I. Dogme et spiritualité orientale // Études de spiritualité orientale / Éd. I. Hausherr. R., 1969 (OCA; t. 183). P. 145–180.*

24 *Ibid.* P. 179.

25 См.: *Joannes Chrysostomus. Homiliae in Matthaicum XXIII, 6* // PG. 57. Col. 515–516.

26 См.: *Максим Грек, преподобный. Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жительстве // Максим Грек, преподобный. Сочинения. Ч. 3. Казань: Типолиитография Императорского университета, 1897. С. 164–165.*

почти третья часть «Духовной Псалтири», опубликованной свт. Феофаном Затворником, уходит корнями в собрания гимнов, написанных по-сирийски», он заключает: «Многие из текстов, питавших молитвы и размышления греческих и русских монахов, представляют собой фрагменты сирийской литургии. Это неудивительно, — отмечает он далее, — поскольку возведенные в V в. христологические барьеры не прерывали аскетического и духовного обмена между сирийцами и византийцами»²⁷.

Аскетическое учение духовных писателей, принадлежащих иным конфессиям, по-видимому, может быть согласным со святоотеческим. При этом остается нерешенной проблема: если верно, что неправославность догматики приводит к искажению этического учения, то необходимо согласовать это с существующими фактами, одним из которых является аскетическое учение Мартирия-Сахдоны.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в восьми статьях в научных изданиях (выделены публикации в журналах, приравненных к рецензируемым ВАК РФ) общим объемом 10,0 авторских листов:

1. *Максим (Судаков), мон. Мартирий-Сахдона: жизнь и труды* // Богословский вестник. 2018. Т. 30. № 3. С. 132–171.

2. *Максим (Судаков), мон. Христология Мартирия-Сахдоны* // Богословский вестник. 2019. Т. 32. № 1. С. 140–163.

3. *Максим (Судаков), мон. Мартирий-Сахдона: обзор источников и исследований* // Метафраст. 2019. № 2 (2). С. 159–179.

4. *Мартирий-Сахдона. О девстве и святости / перевод с сирийского, предисловие и примечания монаха Максима (Судакова)* // Метафраст. 2019.

²⁷ *Рабан Роджер-Иосеф Ахрасс, архим.* Сирийская традиция, лежащая в основе «Духовной Псалтири», приписываемой прп. Ефрему Сирину // Преподобный Ефрем Сирин и его духовное наследие: Материалы Четвертой междунар. патристической конф. Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия. Москва, 27–29 апреля 2017 г. / Под общ. ред. митр. Волоколамского Илариона (Алфеева). М.: Издательский дом «Познание», 2019. С. 385.

№ 2 (2). С. 118–134.

5. Мартирий-Сахдона. О богослужении, молитве, бдении и чтении / иеродиакон Максим (Судаков) [перевод с сирийского, предисловие и примечания] // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 2. С. 181–213.

6. *Мартирий-Сахдона.* Об истинной вере и твердом исповедании православия / перевод с сирийского, предисловие и примечания иеродиакона Максима (Судакова) // Вопросы богословия. 2020. № 2 (4). С. 73–105.

7. Максим (Судаков), иерод. Христология Мартирия-Сахдоны: между несторианством и халкидонизмом // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 4. С. 99–110.

8. *Максим (Судаков), иерод. Сахдона (Мартирий) // ПЭ. Т. 61. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2021.*